

Кое-что объ орфографической терпимости въ ШКОЛѢ.

По поводу лекціи проф. Р. Э. Брандта „О лженаучности нашего правописанія“, въ I—II выпускѣ „Филологическихъ Записокъ“ за 1901 годъ

Извѣстно, что у насъ уже около пятидесяти лѣтъ то и дѣло возникаютъ толки, споры и фантазіи относительно правописанія: то о необходимости упростить его, то о желательности привести его ко всеобщему единообразію на почвѣ научности. Были попытки упрощенія еще и въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но неудачныя, безуспѣшныя, потому что никто за ними не послѣдовалъ, и двѣтри книги, изданныя съ упрощеннымъ правописаніемъ, прошли безслѣдно. Были и попытки научнаго обоснованія правописанія, но тоже неудачныя по множеству неразрѣшенныхъ и спорныхъ вопросовъ, по обилію уступокъ обычаю. Были и попытки установить обязательное единообразіе русскаго правописанія—конечно, черезъ посредство школы,—попытки тоже малоуспѣшныя, которыя напрасно всю свою тяжесть пали и на школу, и на учащееся въ школахъ юношество, такова была и послѣдняя самая тяжелая попытка академика Грота. Профессоръ Брандтъ справедливо указываетъ (выноска на стр. 49), что послѣ орфографической регламентаціи Грота у насъ иному преподавателю приходится «называть въ одномъ заведеніи правильнымъ то, что въ другомъ признается ошибкой (напр., гротовское «итти» съ двумя *t*)».

Интересная и содержательная лекція профессора Брандта хорошо разъясняетъ причины трудностей нашего правописанія, особенно тяжелаго для учащейся молодежи, отнимающихъ массу времени и требующихъ работы, которая не имѣетъ образовательнаго значенія, а между тѣмъ вносящихъ много скуки, горя и зла въ лучшую пору человѣ-

ческой жизни. Специалисту *) по языку, говорить онъ (стр. 1), несомнѣнно подобаетъ имѣть о правописаніи свое сужденіе, и на немъ лежитъ даже нѣкоторая обязанность не скрывать этого сужденія отъ общества («это была публичная лекція»).

Хорошо, если бы всѣ специалисты (и не только по языку) держались такого убѣжденія.

Профессоръ Брандтъ различаетъ въ русскомъ правописаніи три начала: *звуковое* (или фонетическое), *производственное* (или этимологическое) и *историческое*. Но ни одно изъ этихъ началъ ни въ теоріи, ни въ практикѣ, даже санкціонированной Гротомъ, не проводится съ надлежащей послѣдовательностью: то фонетическое начало подавляетъ историческое, то этимологическое беретъ перевѣсъ надъ фонетическимъ, то всѣ три уступаютъ ни на чемъ неоснованному обычаю, передъ которымъ нерѣдко склоняется самъ суровый академикъ Гротъ, какъ иногда склонялся и Ѳ. И. Буслаевъ въ своей «Исторической Грамматикѣ». Что дѣлать, еще Пушкинымъ замѣчено, что «обычай—деспотъ межъ людей». Въ лекціи профессора Брандта приведено не мало интересныхъ и яркихъ примѣровъ такой непослѣдовательности. Лично профессоръ Брандтъ, въ интересахъ упрощенія и разумности, стоитъ за правописаніе фонетическое. «Вѣдь мы пишемъ, говорить онъ (стр. 3), вмѣсто того, чтобы говорить, значить, и естественно писать такъ, какъ говорятъ. Не будь разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, никому бы и въ голову не пришло оспаривать это положеніе, которое можно назвать аксіомой. Само собой разумѣется, что пишущій не станетъ воспроизводить недостатковъ своего произношенія: если кто заикается, онъ (понятно) воздержится отъ заиканія хоть на письмѣ; если кто картавитъ, онъ не исключитъ изъ своей азбуки непронизносимой имъ буквы». Профессоръ Брандтъ предусматриваетъ возраженія, какихъ можно ожидать противъ фонетическаго правописанія и въ пользу этимологическаго, и опровергаетъ ихъ одно за другимъ — не только съ точки зрѣнія практическихъ соображеній, но и съ научной.

Фонетическаго правописанія, говорятъ, не допускаетъ неодинаковость произношенія. Но и этимологическое невозможно, потому что «мы часто не знаемъ происхожденія словъ» (стр. 3), да и неодина-

*) Сохраняемъ правописаніе профессора Брандта,

ковость произношенія противники звукового правописанія сильно преувеличиваютъ: «вообще говоря, русское произношеніе достаточно установилось (въ смыслѣ общерусскаго литературнаго языка: стр. 7), и колебанія замѣчаются лишь въ немногихъ случаяхъ; притомъ, по принципу звукового правописанія, разъ существуетъ колебаніе въ выговорѣ, оно не только можетъ, но даже должно проявиться и на письмѣ» (стр. 4). Съ практической точки зрѣнія, было бы даже полезно, если бы правописаніе указывало людямъ малописьменнымъ и недостаточно образованнымъ, въ смыслѣ усвоенія хорошаго выговора на общепринятое литературное произношеніе: «это повело-бы къ еще большему единству выговора» (стр. 7). Съ научной точки зрѣнія, «правильно понимаемая наука можетъ только сочувствовать звуковому правописанію» (стр. 26). «Какъ часто намъ приходится жалѣть, говоритъ профессоръ Брандтъ, что такое письмо не господствовало во всѣ времена и у всѣхъ народовъ! Сколько разъ мы, читая рукописи или надписи, задаемъ себѣ неразрѣшимый вопросъ, каково было произношеніе ихъ писцовъ, спрятанное подъ искусственной орфографіей! Какъ рады мы, когда намъ попадетъ ся писецъ безграмотный (съ точки зрѣнія условнаго искусственнаго правописанія), проговорившійся этимъ произношеніемъ! Даже относительно настоящаго времени, пользуясь записанными въ разныхъ мѣстахъ образцами народной рѣчи, нерѣдко досадуешь, что особенности мѣстнаго выговора скрываются за каждымъ правописаніемъ».

Фонетическое правописаніе, говорятъ, затрудняется вслѣдствіе существованія звуковъ неясственныхъ, для которыхъ нѣтъ въ азбукѣ особыхъ знаковъ и которые трудно уловимы. Но это возраженіе падаетъ само собой, если мы будемъ имѣть въ виду лишь «безхитростное воспроизведеніе живого языка для житейскаго обихода». Да указанное затрудненіе ужъ вовсе и не такъ значительно, какъ это кажется придирчивымъ педантамъ; оно касается только буквъ: *a* и *o*, *e* и *u*; притомъ-же его вовсе не устраняетъ и этимологическое правописаніе, вообще преисполненное условностями и произвольностями, примѣры которыхъ въ большомъ количествѣ приводятся въ лекціи профессора Брандта на стр. 9—25. Въ концѣ-концовъ надо согласиться съ почтеннымъ лекторомъ, что въ возраженіяхъ противъ звукового правописанія слышится не столько «голосъ научной совѣсти или живое сознаніе язычнаго духа», сколько «простая

привычка» (стр. 26). Намъ, людямъ законѣлымъ въ современномъ, условномъ, произвольно установленномъ и вовсе ненаучномъ, правописаніи, въ свое время много поработавшимъ ради усвоенія этого правописанія, конечно, было-бы не легко мѣнять его на другое, хотя бы сильно упрощенное и болѣе разумное. Это новое правописаніе, при всей его простотѣ и разумности, страшно рѣзало-бы наши глаза и встрѣтило-бы сильное противодѣйствіе въ нашихъ навыкахъ, пріобрѣтенныхъ съ большой затратой времени и силъ. Но за то какъ много выиграло-бы отъ упрощенія правописанія учащееся юношество! Какъ сократилась-бы его затрата времени и силъ на производительныя и скучныя работы! Сколько времени и силъ выгадало-бы для болѣе важныхъ, въ образовательномъ отношеніи, занятій по языку и словесности! Какъ усилились-бы образовательные итоги дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній, начиная начальной народной школой и оканчивая гимназіями и реальными училищами! Были-бы значительныя выгоды даже въ чисто-экономическомъ смыслѣ при печатаніи книгъ,—напримѣръ, отъ устраненія буквы ѣ. Глубоко правдивы слова профессора Брандта, что «предлагающіе упростить орфографію главнымъ образомъ думаютъ о будущихъ поколѣніяхъ и желаютъ избавить ихъ отъ мытарствъ, уже пройденныхъ старшими» (стр. 18).

Такою-же правдивостью вѣтъ и отъ его вопроса по поводу ссылки, напримѣръ, на неудовлетворительность и трудность правописанія французскаго и англійскаго: «отчего-бы намъ хоть въ чемъ-нибудь не опередить другіе народы?» (стр. 46). Для упрощенія русскаго правописанія профессоръ Брандтъ предлагаетъ два проекта. «Во-первыхъ, говорить онъ, можно-бы предложить принять латинскую азбуку» (стр. 28), съ нѣкоторыми дополненіями, которыя указаны въ лекціяхъ. Во-вторыхъ, полагая, что первый проектъ «едва-ли можетъ осуществиться» (стр. 28), онъ предлагаетъ «провозгласить принципъ фонетическаго начертанія словъ», сохраняя существующую русскую азбуку съ тѣми измѣненіями и сокращеніями, какія обусловливаются фонетическимъ принципомъ: исключаются буквы *ѳ*, *ѣ*, *ѥ* и *ѧ*, вводится буква *е*; измѣняется традиціонное написаніе нѣкоторыхъ словъ съ лишними произносимыми буквами или съ буквами, означающими совсѣмъ не тотъ звукъ, какой произносится, измѣняются традиціонныя правила объ употребленіи прописной буквы (фонетиче-

скій принципъ требуетъ совершеннаго изгнанія ея, кромѣ какъ обозначенія предшествующей паузы), о переносѣ словъ (который долженъ быть совершенно свободенъ, потому что «мы вѣдь переносимъ въ виду невозможности уписать въ той же строкѣ, а не съ цѣлью выказать свои грамматическія познанія» (стр. 43), объ употребленіи знаковъ прерыванія (напр., слѣдовало-бы изгнать запятую во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не обозначаетъ никакой остановки).

Всѣ эти и другія нововведенія, ведущія къ упрощенію нашего правописанія по фонетическому принципу, въ лекціи обстоятельно мотивированы на стр. 29—46.

Переходя къ вопросу о томъ, какъ можно было-бы ввести новое правописаніе, профессоръ Брандтъ признаетъ, что дѣло «едва-ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше, которое, впрочемъ, желательно лишь въ видѣ дозволенія, а не предписанія, чтобы не возбуждать раздраженія и рѣзкаго отпора» (стр. 49)... «Какъ въ жизни, такъ и въ школѣ слѣдовало-бы провозгласить *терпимость* къ обоимъ правописаніямъ (традиціонному и новому), говоритъ онъ, а со временемъ старое само-собой отошло-бы въ область преданія»... «И помимо крутыхъ перемѣнъ, прибавлено въ выноскѣ, нужно-бы побольше *терпимости* относительно орфографіи»...

Да, въ ожиданіи того отдаленнаго будущаго, когда совершится желанное упрощеніе, по тому-ли, по другому-ли проекту, въ настоящее время намъ крайне нужна хоть-бы одна только *орфографическая терпимость* вообще, и прежде всего—въ школѣ, особенно въ нашей народной школѣ, съ ея трехгодичнымъ курсомъ, по 20—25 учебныхъ недѣль въ году.

Терпимость, орфографическая терпимость—вотъ что прежде всего намъ крайне необходимо ради истинныхъ, дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ и ложныхъ успѣховъ нашей школы! Эта терпимость и могла-бы направиться—на употребленіе буквъ—*i, ѣ*, а также *пронисныхъ* буквъ, и на уступки правописанія живому говору.

На этой терпимости мы много разъ настаивали—и въ печати, и устно на педагогическихъ курсахъ, и рады случаю повторить свои настоянія по поводу содержательной, интересной и горячей лекціи профессора Р. Ѳ. Брандта.

Н. Бунаковъ.